

Л.И. Кричевская

Сюжетность детали

<...>

Лермонтовская повторяющаяся деталь заметно расширяет сферу своего действия.

Впервые она появляется в характеристике Грушницкого: «Грушницкий — юнкер. Он только год в службе, носит, по особенному роду франтовства, толстую солдатскую шинель... Его цель — сделаться героем романа. Он так часто старался уверить других в том, что он существо, не созданное для мира, обреченное каким-то тайным страданиям, что он сам почти в этом уверился. Оттого-то он так гордо носит свою толстую солдатскую шинель».

Толстая солдатская шинель становится темой Грушницкого, темой показной «странности» героя, рассчитанной романтической позой: «Моя солдатская шинель — как печать отвержения. Участие, которое она возбуждает, тяжело, как милостыня». Отношением персонажей к серой шинели Грушницкого определяется не только их личная приязнь или неприязнь, но и косвенно — их нравственная позиция в основном конфликте романа.

Повторяющаяся деталь одновременно иронична и серьезна. Иронична по существу и серьезна в сравнении. Тема шинели осложняется постоянным скрытым сравнением настоящей трагедии Печорина и маскарадной трагикомедии Грушницкого, подделывающего и внешность, и мысли. «...Эта гордая знать смотрит на нас, армейцев, как на диких. И какое им дело, есть ли ум под нумерованной фуражкой и сердце под толстой шинелью?» — Грушницкий здесь явно цитирует Печорина, разумеется, с поправкой на толстую солдатскую шинель (в начале «Княжны Мери» Печорин сообщает нам свои наблюдения о том, что «жены местных властей... привыкли на Кавказе встречать под нумерованной пуговицей пылкое сердце и под белой фуражкой образованный ум»).

Но вот Вернер передает Печорину: «Княжна сказала, что она уверена, что этот молодой человек в солдатской шинели разжалован в солдаты за дуэль...» Видно, и в самом деле, «солдатская шинель в глазах всякой чувствительной барышни» делает Грушницкого «героем» и «страдальцем». Так деталь служит завязке «романа», о котором мечтает Грушницкий. Больше она в событиях не участвует. А производство Грушницкого в офицеры и появление его в новом мундире, казалось бы, дают возможность автору убрать примелькавшуюся деталь. Но она так крепко срослась с действием, с характером отношений героев, наконец, с «романом» Грушницкого, что должна быть доведена до своего сюжетного конца. Деталь продолжает развиваться, вступая в новые связи. Иронична и показательна легкость, с которой Грушницкий, изменяя серой шинели, перелагает свои надежды на эполеты, так что в конце концов обе детали встречаются в одном смысловом ряду: «Пеняй на свою шинель или на свои эполеты, а зачем же обвинять ее? Чем она виновата, что ты ей больше не нравишься?..» — говорит Печорин.

Это последнее упоминание шинели. Деталь исчезает после объяснения Грушницкого и княжны. «Роман» Грушницкого окончен, но тема шинели, как мы видели, намного шире сюжетного звена, соответствующего этому «роману».

Если у Пушкина повторяющаяся деталь возникала в строгой связи с событийным рядом повествования и через него выражала взаимоотношения героев, то у Лермонтова деталь менее связана с непосредственным ходом событий. Однако обе детали имеют свое развитие, в котором, при желании, можно выделить основные элементы сюжета и которое осуществляется в рамках сюжетной канвы произведения.

Лермонтовская деталь психологична. Она неразрывно связывает внешность и внутренний мир героя, что хорошо видно, например, из описания-характеристики Грушниц-

---

кого. Но описание только задает тему детали, развитие же ее осуществляется в диалогах. Непосредственное общение, живой обмен мнениями наиболее ярко выявляют взаимоотношения действующих лиц. Virtuозно владея диалогом, Лермонтов выражает при помощи одной и той же детали самые разнообразные оттенки отношений.

«— О, я горько ошибся!.. Я думал, безумный, что по крайней мере эти эполеты дадут мне право надеяться... Нет, лучше бы мне век остаться в этой презренной солдатской шинели, которой, может быть, я был обязан вашим вниманием...

— В самом деле, вам шинель гораздо более к лицу...» (Из объяснения Грушницкого с княжной.)

К особенностям лермонтовской повторяющейся детали относится и то, что она воспринимается логически, зрительное же ее значение крепится только редкими авторскими описаниями. Таково свойство изобразительной детали-реплики.